

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Стратегическое партнёрство: к характеристике актуального политического феномена

Ссылка для цитирования: *Андреев А. Л.* Стратегическое партнёрство: к характеристике актуального политического феномена // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 194–210. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

For citation: Andreev A. L. Strategic partnership: characterizing an important political phenomenon. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 194–210. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Андреев Андрей Леонидович

Национальный исследовательский ядерный университет «МЭИ», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

sympathy 06@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 72609

Аннотация. Предмет статьи – феномен стратегического партнёрства, понимаемого как особая форма геополитического и геоэкономического взаимодействия, которое, по мнению автора, в обозримой перспективе может стать базовым элементом архитектоники современного глобального мира. Даётся общая характеристика теоретической разработки данной проблематики, в связи с чем отмечается отсутствие чётких определений стратегического партнёрства, а также критериев, позволяющих разделить научное понимание термина и его чисто декларативное употребление в политических дискурсах. Автор настаивает на том, что каждое конкретное стратегическое партнёрство формируется и поддерживается на основе уникального сочетания способствующих этому факторов, вследствие чего изучение такого рода процессов требует использования адекватных этому индивидуализирующих (идеографических) методов. В качестве примера предлагается анализ одного из наиболее показательных примеров такого рода – генезис и развитие отношений стратегического партнёрства между Россией и Индией. В статье рассматривается зарождение между двумя странами «особых отношений», которые уходят своими корнями вглубь истории, анализируется специфический профиль этих отношений в период британского владычества, рассматривается процесс возникновения контактов между интеллектуальными кругами. Значительное внимание уделяется конвертированию этих отношений в двустороннее политическое сотрудничество после провозглашения независимости Индии, а также динамике этого сотрудничества. На основании российско-индийского опыта формулируются некоторые общие условия формирования стратегических партнёрств. В ходе анализа перспектив дальнейшего развития стратегического партнёрства Российской федерации и Индии автор рассматривает геополитическое значение треугольника Москва – Дели – Пекин и заложенный в нём потенциал превращения Евразии в интегрированную инфраструктурными и природоохранными мегапроектами пространственную целостность.

Ключевые слова: геополитика, политическое пространство, международное сотрудничество, стратегическое партнёрство, российско-индийские отношения, Евразия

Кажется, что современный глобальный мир находится в состоянии «сверхтекучести». Или, если угодно, деконструкции, за которой, по-видимому, последует новая «сборка». Но, хотя отдельные геополитические и геоэкономические тенденции, из которых складывается многоуровневый и многосторонний процесс глобальной трансформации, можно заметить без особого труда, нельзя сказать, что мы до конца понимаем его общий вектор и можем описать, каким предстанет перед нами глобальный мир хотя бы в среднесрочной перспективе. Неясен, в частности, вопрос о том, как будет меняться в этом контексте пространственная модель мировой политики. Многие согласны с выводом о постепенном отмирании (или, по крайней мере, реструктурировании) так называемой Вестфальской системы, логика которой, начиная с XVII в. и вплоть до наших дней, определяла «схему дискретности» мирового политического пространства. Более или менее ясно, что строение глобальной экономики с её трансграничными технологическими цепочками, миграциями и финансовыми потоками объективно требует укрупнения «пазлов», составляющих геополитическую карту мира, равно как и усиления её внутренней связанности [Ханна 2019]. Однако, с другой стороны, технологические цепочки и русла экономических обменов периодически перестраиваются, причём в некоторых случаях и по внеэкономическим причинам, а это вызывает новое дробление, казалось бы, уже сложившихся геополитических конфигураций и перегруппировку их элементов (самое наглядное подтверждение этому – отношения между Российской федерацией и Украиной, а также между Великобританией и ЕС).

Так что же может получиться в ходе столь сложного взаимодействия геополитических, геоэкономических и этнокультурных притяжений и отталкиваний? По поводу характеристики «укрупнённых» территориальных целостностей, которые могут формироваться (и формируются) в современном глобальном мире, высказывались различные предположения. Будут ли они больше всего напоминать воплощённые в пространстве панидеи К. Хаусхофера или «месторазвития» евразийцев, территориально-культурные целостности (цивилизации) С. Хантингтона или геоэкономические зоны А. И. Неклессы, мирсистемы И. Валлерстайна или зоны притяжения коннектографических узлов П. Ханна. Каждая из этих точек зрения, несомненно, опирается на реальные наблюдения, фиксирующие определённые социально-исторические тенденции. Чаще всего в подобных аналитических рассуждениях на первый план выдвигаются консолидирующие силы пространственной агглютинации, в то время как противоположно направленные силы не привлекают такого внимания, а их значения недооцениваются (особенно часто в такой недооценке упрекали Хантингтона, но в той или иной степени она присуща и другим теоретикам). Однако ни одна из тенденций, влияющих на формирование пространственной схематики современного мира, сама по себе не является ни универсальной, ни всеохватывающей. Соответственно, те «субъединства», на которые геополитический анализ сегментирует наш мир, должны обладать большей волатильностью, гетерогенностью и, если можно так выразиться, «незакреплённостью», чем, например, понятия цивилизации или мирсистемы, в которых заложена изрядная мера инертности, порой исключающая формирование ситуативных интегративных образований, а также одновременную принадлежность к различным «связностям».

Нам представляется, что свойством необходимой гибкости обладает такая получающая в последнее время всё более широкое распространение форма геополитического и геоэкономического взаимодействия, как стратегическое партнёрство. Весьма вероятно, что в условиях формирующейся многополярности именно она станет базовым типом геополитического и геоэкономического сопряжения государств. Можно представить себе архитектонику глобального мира XXI в. как совокупность частично пересекающихся друг с другом стратегических партнёрств. Но, хотя в текущей литературе по международным отношениям события и факты, относящиеся к практике их выстраивания, освещаются и комментируются достаточно подробно, в теоретическом плане природа стратегических партнёрств ещё по существу не осмыслена. Дело пока ограничивается лишь формальным перечислением признаков, позволяющих отличать эту форму от международных взаимодействий иных уровней [Жеглова 2014]. При этом до сих пор отсутствуют чёткие критерии, позволяющие разделить научное понимание термина от его чисто декларативного употребления в политических дискурсах. Понятие становится почти безбрежным, а его применение очень субъективным [Ренар 2011]. Возможно, трудности возникают как раз из-за присущих таким образованиям специфических свойств - подвижности, волатильности, способности гибко регулировать интенсивность и номенклатуру внешних связей: ведь такого рода «флуктуирующие» объекты обычно не поддаются однозначному соотнесению с разного рода фиксированными «идеальными типами», на основе которого социальные науки чаще всего формулируют соответствующие обобщения. Мы полагаем, что, зафиксировав феномен реального стратегического партнёрства как специфический объект политической теории, надо одновременно признать, что для его изучения требуется особый индивидуализирующий подход нацеленных на изучение совершенно конкретных, а часто уникальных историко-политических контекстов и обстоятельств. Причём одно и то же сочетание факторов, способствующих политическому сближению, в одном контексте реально «срабатывает», приводит к формированию стратегического партнёрства, а в других может к нему и не привести.

Попробуем провести такой анализ, ограничившись лишь одним случаем совершенно бесспорного, и в какой-то мере даже эталонного, стратегического партнёрства — отношениями между Россией и Индией. Чтобы понять, какие факторы (в особенности долговременные) создавали для него необходимую почву — если можно так выразиться, контекст сближения — необходимо, на наш взгляд, взять за точку отсчёта нашего case study достаточно отдалённое время, когда эти отношения ещё только начинали складываться, формируя традицию взаимного вос-

BECTHUR Reginary No 2, Tom 11, 2020

приятия и связывая её с исторической памятью каждого народа. Уместно напомнить в этой связи о фольклорных и полуфольклорных образах Индии — «страны чудес», и о «Хождении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, и о попытках Великих Моголов установить дипломатические отношения с Москвой, и о процветающих индийских торговых диаспорах в русских городах XVII—XVIII вв., и о широких замыслах Петра I, который стремился «прорубить окно» не только в Европу, но и в Индию (одной из задач посланной им в Центральную Азию экспедиции А. Бековича-Черкасского как раз и была разведка путей к Индостану). Вспомним и полузабытую фигуру Г. С. Лебедева — даровитого музыканта второй половины XVIII в., попытавшегося соединить индийскую мелодику с европейской и создавшего в Индии первый национальный театр европейского типа.

Симптоматично, что зарождавшееся в России XIX в. общественное мнение, как бы вопреки доминировавшему в нём европоцентризму, с самого начала характеризовалось симпатией и сочувствием к индийцам в их противостоянии чужеземному господству. Если официозная британская печать пыталась представить национальные движения индийцев как борьбу варварства против цивилизации, то русские были склонны считать их протестом против специфически «английского способа приложения цивилизации к Индии» [Добролюбов 1963]. Ярким выражением этих настроений стала знаменитая картина В. В. Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами», на которой изображён расстрел восставших индусов, привязанных к жерлам английских орудий.

Однако надо отметить, что Индия интересовала российские интеллектуальные круги отнюдь не только как предмет сочувствия или, допустим, академических исследований. Её образы вплетались в весьма специфические идеологические контексты, играя существенную роль в переосмыслении российской идентичности и поиске новых, свободных от узкого европоцентризма, цивилизационных ориентиров. В этой связи можно говорить о своего рода протоевразийстве, одной из составляющих которого была критика буржуазной цивилизации Запада и противопоставление этой цивилизации духовного величия и нравственной высоты народов Индии. На эмоциональном уровне возникало ощущение внутреннего родства русской и индийской культур, которое, впрочем, подкреплялось и рационально, в том числе историко-филологическими исследованиями, показывавшими родство русского языка и санскрита.

В эпоху британского владычества развитие торгово-экономических, и тем более политических, контактов России с Индией было затруднено. Петербург долгое время даже не мог получить от Лондона разрешение на открытие в стране русских консульств. Но и в этих условиях русско-индийские взаимодействия не «заглохли», а лишь сдвинулись в культурную и научно-образовательную сферу. На почве изучения санскрита и других языков Индостана, буддийской и индуистской философии и культуры, памятников истории и фольклора формировалась традиция российско-индийского научного сотрудничества.

198

Индийское восстание 1857–1858 гг., перипетии которого широко освещались в российской печати, дало толчок к формированию в России довольно широкого круга литераторов, художников, общественных деятелей, учёных, журналистов, увлечённых индийской тематикой. По сути дела, это один из образцов сетевой интеллектуальной структуры, функционирование которой со временем приобретало и определённое политическое измерение, в которое участники этого круга общения входили в разном качестве: кто-то как политический философ, кто-то как пророк и моралист, кто-то как консультант или стратег, лоббирующий продвижение определённой линии внешней политики. Одной из самых смелых, но при этом и самых утопических идей среди созревших в этом кругу общения, была идея создания в будущем федерации России, Индии и Китая, принадлежавшая учёному-ориенталисту, публицисту и дипломату князю Э. Э. Ухтомскому, который в силу близости к Николаю II играл определённую роль в формировании российской восточной политики [Стрижак, Колесников 2014: 379].

Самой значительной и яркой фигурой среди русских «индофилов», несомненно, был Л. Н. Толстой, который, как известно, очень серьёзно занимался индийской культурой, знал веды, «Махабхарату» и «Рамаяну», изучал философские учения Шанкары, Рамакришны Парамаханса, Свами Вивекананды. Этические принципы, которые писатель почерпнул в индийской культуре, во многом послужили основанием для его нравственно-религиозных представлений. В свою очередь произведения Л. Н. Толстого, в которых нашли своё выражение эти представления, были созвучны настроениям многих индийцев. В 1908 г. в своём знаменитом «Письме к индусу», представляющем собой развёрнутый ответ на обращение индийского политического активиста Таракната Даса, «яснополянский старец» доказывал, что путь к освобождению страны лежит не через организацию насильственного сопротивления, а через ненасилие и вместе с тем отказ участвовать в деятельности колониальной администрации, платить налоги, служить в колониальной армии и полиции. Такой подход у многих вызывал недоумение, но он произвёл исключительно сильное впечатление на адвоката Мохандаса Ганди, который под влиянием Толстого стал применять идею непротивления злу насилием в реальной политической борьбе. В своих письмах в Ясную Поляну будущий национальный лидер Индии рассказывал, как воспринимают эту идею индийцы, и как она работает на практике. В дальнейшем Ганди развил и детализировал сформулированную Толстым идею непротивления злу насилием в своём учении о сатьяграхе и придал принципу ненасильственного сопротивления поистине геополитический масштаб. Авторитет Толстого как художника и мыслителя немало способствовал укреплению духовной связи между русским и индийским обществами. Однако были и другие, содействовавшие этому, медитативные фигуры. Это, в частности, хорошо известная как Толстому, так и Ганди основательница теософского движения Е. П. Блаватская, а позднее – семья Рерихов. Традиционная симпатия россиян к индийцам в полной мере сохранилась

BECTHINK Comminger No 2, Tom 11, 2020

и после революции 1917 г., но при этом в свете идеологических установок советской власти эта симпатия приобретала новые оттенки и новую интерпретацию, когда на первый план выдвигался анализ положения Индии в свете разработанной Лениным теории империализма.

Весной 1947 г., за несколько месяцев до торжественной церемонии официального провозглашения независимости Индии, было принято решение об установлении между Индией и СССР дипломатических отношений на уровне посольств. Обе стороны воспринимали это как важное событие, в связи с чем хотелось бы особо отметить очень высокий уровень дипломатических представителей Индии в Москве. Так, первым послом Индии в СССР стала сестра премьер-министра Дж. Неру В. Л. Пандит, а её преемник С. Радхакришнан был всемирно известным учёным, впоследствии (1962) избранным на высший государственный пост Президента Республики.

Тем не менее, отношения между СССР и только что получившей независимость Индией поначалу складывались непросто. Нельзя не признать, что одной из главных причин этого была неизжитая привычка руководителей советской внешней политики к чересчур прямолинейным идеологическим схемам. И. В. Сталин вначале с предубеждением относился к многовекторной внешней политике Индии и, в частности, к тому, что страна оставалась членом Британского содружества, а многие важные должности в индийской армии и государственном аппарате некоторое время продолжали занимать англичане. Впрочем, и политические элиты Индии не были свободны от опасений в отношении СССР, подозревая его в экспансионистских замыслах. Между Москвой и Дели обозначились существенные разногласия по поводу условий прекращения войны в Корее. Однако премьер-министру Дж. Неру и послу С. Радхакришнану удалось найти убедительные аргументы, позволившие установить атмосферу доверия и убедить советское руководство в искреннем миролюбии Индии и решимости строить реально независимое государство. В то же время советской стороне удалось развеять опасения индийцев в том, что Москва будет стремиться навязать их стране какую-то определённую социальную или политическую модель. Важным фактором, скорректировавшим политическую линию Неру, стало разочарование в политике Запада, и прежде всего США, отказавших индийскому премьеру в поддержке по ряду чувствительных для него вопросов, прежде всего по проблеме Кашмира, где сталкивались интересы Индии, Пакистана и КНР. В результате, начиная с 1950 г., позиции сторон по многим вопросам международной жизни начинают сближаться. Показательно, что Сталин, который в последние годы жизни не принимал никаких иностранных послов, кроме бывших союзников по антигитлеровской коалиции, сделал исключение только для индийских представителей [Черешнева 2016].

Однако решающий момент в наметившемся сближении наступил несколькими годами позже, уже после смерти Сталина. Точкой отсчёта нового этапа двусторонних отношений стал 1955 г., когда Советский Союз и Индия впервые обменялись государственными визитами на высшем уровне. С этого времени СССР стал оказывать молодой республике

значительную помощь в создании современной индустрии и укреплении обороноспособности, что позволило значительно укрепить экономическую и технологическую основу её независимости. При этом Советский Союз без проблем поддерживал крупные системообразующие проекты в базовых отраслях экономики — металлургии, нефтехимии, металлообработки, энергетики (включая впоследствии и атомную), по поводу которых было трудно договориться с западными партнёрами. На начало 1980-х гг. предприятия, построенные на основе советско-индийского сотрудничества, давали 38% произведённых в Индии стали и проката, 78% металлургического оборудования, 20% алюминия, 35% добычи и 40% переработки нефти и т. д. [Юрлов и др. 2010: 628].

Начиная со второй половины 1950-х гг. между СССР и Индией устанавливаются интенсивные и разносторонние культурные контакты. При этом интерес к индийской культуре выходит за рамки узкого круга специалистов и приобретает массовый характер. Многие люди, в основном в больших городах, начинают заниматься йогой; возникает увлечение индийскими танцами; интеллектуалы задумываются над опытом индийской философии (в 1956-57 гг. выходит русский перевод двухтомной «Истории индийской философии» С. Радхакришнана). Надо отметить и интерес определённой части образованной городской молодёжи к индуистской религиозной мистике; влиятельные индийские религиозные течения (самое крупное -Общество сознания Кришны и др.) находят своих последователей и в СССР. Надо сказать, что увлечение Востоком было вообще одним из направлений поиска альтернативных господствующей коммунистической идеологии форм духовности, и индуизм занял в этом направлении одно из центральных мест. Можно указать в этой связи на отличие индийских влияний от увлечения другими странами Востока – например, Японией и японским искусством, для которого были характерны не столько мистические настроения, сколько чисто эстетическая созерцательность.

Совершенно особое место в советской массовой культуре заняло индийское кино. Многие индийские фильмы не только собирали в советских кинотеатрах полные залы, но и становились культовыми: скажем, вышедший на советский экран фильм Р. Капура «Бродяга» посмотрели почти 64 млн человек – третий результат в списке иностранных фильмов, когда-либо демонстрировавшихся в СССР. [Кино Индии, 1988; Rajagopalan, 2008]. Разумеется, индийское кино невозможно обвинить в идеологической нелояльности, как это делали, например, в отношении кришнаитов, которые даже подверглись некоторым репрессиям (весьма, впрочем, ограниченным). Вместе с тем популярность индийских мелодрам всё же носила несколько эскапистский характер и, в сущности, также была своего рода сублимированной формой ухода от советской действительности в какую-то иную эмоционально преображённую реальность. Возможно, есть основания говорить в этой связи об особом - условно говоря, «индийском» - пласте позднесоветской культуры, который пока ещё не стал предметом специального социологического исследования, но вполне заслуживает этого.

СССР взамен экспортировал в Индию рациональную просветительскую культуру, технические знания, и, разумеется, был одним из источников довольно сильного марксистского влияния. Хотя в конечном итоге клонящийся к упадку советский марксизм здесь «по очкам» проиграл маоизму, интерес к советской интеллектуальной культуре в кругах левой индийской интеллигенции сохранялся, в чём автор настоящей статьи имел возможность убедиться лично. Хорошо известно, что в наших вузах была налажена подготовка кадров для Индии. За четверть века интенсивного сотрудничества из их стен было выпущено около 120 тыс. индийских специалистов, многие из которых стали на родине носителями просоветских и пророссийских симпатий. В то же время оказывалось содействие развитию инженерного образования и в самой Индии. Так, в 1958 г. советской стороной было предоставлено в дар оборудование для только что основанного Индийского технологического института в Бомбее; сюда же для работы периодически направлялись специалисты из ведущих советских научно-образовательных центров.

Советский Союз поразительно быстро превратился и в крупнейшего торгового партнёра Индии, уступая по объёму товарооборота только США. Здесь, однако, надо учитывать не только объёмы и ценовые показатели. Не менее, а может быть и более важно то, что с начала 1960 гг. СССР становится ведущим партнёром Индии в области военно-технического сотрудничества и обеспечения безопасности. И, видимо, именно это стало придавать прогрессирующим российско-индийским отношениям особый - стратегический - характер. Дели и Москва координировали свои действия, оказывая друг другу поддержку на международной арене. Обе страны обычно одинаково голосовали в ООН и других международных организациях по вопросам поддержания мира и деколонизации, обе выступили за превращение Индийского океана в зону мира и т. д. В ряде случаев Советский Союз оказывал Индии существенное содействие в разрешении острых конфликтов с соседями. В августе 1971 г. между СССР и Индией был заключён Договор о дружбе, мире и сотрудничестве, позволивший создать основания и механизмы для политической поддержки Индии во время развязанной милитаристскими кругами Пакистана очередной индо-пакистанской войны. СССР заблокировал в Совете безопасности ООН принятие резолюций, имевших анти индийскую направленность, а когда для оказания давления на Индию в Бенгальский залив была направлена группа американских кораблей во главе с авианосцем «Энтерпрайз», появление там же советской эскадры заставило их отказаться от вмешательства и лечь на обратный курс.

Уже в 1960-80-е гг. российско-индийские отношения по сути дела представляли собой не что иное, как стратегическое партнёрство; другой вопрос, что в то время это называлось иначе, а сам термин «стратегическое партнёрство» ещё не был введён в обращение. Но, несмотря на столь тесные контакты, взаимная поддержка двух стран отнюдь не имела императивного характера. Обе стороны в полной мере сохраняли самостоятельность оценок, решений и действий. В ответ на подавление

антикоммунистического восстания в Венгрии в 1956 г. и ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. из Дели звучали слова предостережения и осуждения. Но, в отличие от государств, которые вели против Советского Союза «холодную войну», Индия во всех подобных вопросах проявляла осмотрительность и не стремилась использовать соответствующие события как предлог для раздувания громких антисоветских кампаний. Например, Индия была в числе воздержавшихся при голосовании осуждающей действия Советского Союза в Афганистане резолюции Генеральной ассамблеи ООН. Разумеется, и Москва не во всём поддерживала Дели. В частности, руководствуясь принципами нераспространения, она осудила проведённые Индией в 1974 г. первые испытания ядерного оружия. Однако это осуждение также было довольно сдержанным.

Последние два-три десятилетия существования СССР были «золотым веком» взаимной дружбы, нередко принимавшей даже какие-то сентиментальные оттенки. Но во второй половине 1980-х гг. в двусторонних отношениях ситуация стала меняться. Объективно это проявилось в резком ослаблении экономических связей. Объём двусторонней торговли менее чем за десятилетие упал практически на порядок (с 10 млрд долл. в 1986 г. до примерно 1 млрд в 1993) [Галищева 2019: 62]. Создавалось впечатление, что отношения двух стран и народов, если рассматривать их в целом, стали утрачивать свою былую эмоциональную окрашенность. Между тем российское общество в конце 1980-х и начале 1990-х гг. было слишком занято внутренними проблемами, чтобы уделить этому достаточное внимание. К тому же оно переживало сильнейшее увлечение Западом. Проводившиеся в те годы социологические опросы показывают, что россияне в целом воспринимали западный мир значительно позитивнее, чем страны Востока, хотя среди них Индия всё же оставалась бесспорным фаворитом (наряду с Японией), значительно обгоняя в этом отношении все другие незападные страны и не так уж много уступая, к примеру, Германии (см. таблицу 1).

Таблица1 (Table 1) Чувства и ассоциации, которые вызывают у россиян различные страны, 1995 г., $\%^*$ Feelings and associations that various countries evoke in Russian people, 1995, %

Страна	Вызывает положительные чувства	Вызывает отрицательные чувства	Затруднились ответить
Франция	78,9	3,0	18,1
CIIIA	77,6	9,0	13,4
Великобритания	76,6	4,2	19,2
Япония	68,5	9,2	22,3
Индия	59,4	4,8	35,8
Китай	41,2	21,1	37,7
Ирак	21,7	34,7	43,6

*Источник: [Россия на рубеже..., 2000: 40].

BECTHINK Commingen No 2, Tom 11, 2020 В начале 1990-х гг. Россия вступила в трудный и весьма опасный период внутренней турбулентности, в ходе которой её вес в международных делах значительно снизился. И в этот критический момент пусть даже ослабевшие, но всё же сохранявшиеся связи с Индией, в особенности в сфере военно-технического сотрудничества, сильно нам помогли. Это был жизненно важный ресурс, обеспечивший выживание некоторых высокотехнологичных отраслей российской промышленности, в особенности связанных с обороной и безопасностью.

Надо сказать, что и в постсоветский период правительства обеих стран достаточно ясно сознавали значение российско-индийских отношений, и их нельзя упрекнуть в том, что они пустили развитие понижающих тенденций на самотёк. В январе 1993 г. был заключён Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Индией, однако он носил довольно общий характер и делал акцент преимущественно на гуманитарных вопросах. Добиться решающего позитивного перелома в двустороннем сотрудничестве удалось после того, как в 2000 г. только что ставший Президентом Российской федерации В. В. Путин и премьер-министр Республики Индия А. Б. Ваджпаи подписали документ (совместную Декларацию), в котором российско-индийские отношения впервые терминологически определены как стратегическое партнёрство. И в этой связи в нём были конкретно обозначены стратегические области сотрудничества: информатика, экологически чистые технологии, океанология, медицина и биотехнологии, использование атомной энергии и космического пространства в мирных целях и ряд др. За подписанием Декларации последовало создание механизма специализированных двусторонних взаимодействий, который в настоящее время включает в себя ряд межправительственных комиссий и рабочих групп, российско-индийский форум по торговле и инвестициям, российско-индийский комитет высокого уровня по научно-техническому сотрудничеству (2017 г.) и др. Характерной чертой российско-индийских отношений стала высокая интенсивность контактов на высшем уровне: с 2000 г. только официальные государственные визиты глав государств и правительств Российской федерации в Индию и Индии в Россию происходили практически ежегодно. При этом в 2010 г. политический статус российско-индийских отношений был повышен до уровня особо привилегированного стратегического партнёрства.

Объёмы российско-индийской торговли в последнее время растут весьма быстрыми темпами и ныне приближаются к уровню середины 1980-х гг. Ставится согласованная задача в течение 5–6 лет довести их до 30 млрд долл. Но, отметим: это значительно меньше, чем текущий товарооборот Российской федерации и таких стран, как Германия (почти 60 млрд долл.) или Китай (свыше 100 млрд долл.), не говоря уже о товарообороте Индии с Америкой (свыше 140 млрд долл.), да и тем же Китаем(порядка 85 млрд долл.). Всё ещё не слишком велика заинтересованность как индийского, так и российского бизнеса во взаимной кооперации, что надо рассматривать как серьёзную проблему, которую

необходимо специально исследовать, и которая, скорее всего, имеет несколько возможных объяснений. С точки зрения социологии и социальной психологии, причиной может быть недостаточная совместимость российской и индийской бизнес-культур, равно как и недостаточная взаимная информированность. Общий эффект от совокупного действия такого рода причин — недостаточные объёмы взаимных инвестиций, которые в целом пока ещё не соответствуют потенциальным возможностям, хотя некоторые инвестиционные предложения надо признать весьма интересными и обнадёживающими (например, это касается инициативы премьер-министра Н. Модипо предоставлению кредитной линии на 1 млрд долл. на развитие российского Дальнего Востока).

Надо, однако, учитывать, что важны не только количественные показатели, но и качество сотрудничества, характер партнёрских отношений, формирующиеся на основе этих отношений взаимные ожидания, формы общения, уровень доверия и, разумеется, перспективы. В этой связи надо прежде всего отметить тесное взаимодействие двух стран на таком критически важном для их будущего направлении, как создание высокотехнологичных инновационных экономик. Реализуется Программа по сотрудничеству в области фундаментальной науки, а также уникальная по масштабу и многогранности Комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества. На территории обеих стран-партнёров созданы и функционируют несколько совместных научно-исследовательских центров, а также российско-индийский центр, занимающийся вопросами продвижения и коммерциализации новых технологий. Ныне российско-индийское сотрудничество охватывает практически все самые перспективные направления научно-технического прогресса в XXI в.: освоение космоса и создание навигационных спутниковых систем, авиастроение, ядерная энергетика, робототехника, создание новых материалов, высокопроизводительные вычисления, медицина и биотехнологии, и др.

Важным следствием привилегированных партнёрских отношений между Россией и Индией является сотрудничество в формировании новых геоэкономических конфигураций, соответствующих концепции многополярного глобального мира. В результате происходит расширение сферы экономических интересов и экономического влияния Индии на север, а России на юг, причём обе эти сферы частично накладываются друг на друга, образуя сложную пространственную структуру с элементами взаимного проникновения. Представляется, что в будущем такая пространственная структура могла бы стать ядром (своего рода «хартлендом») новой мировой экономики, основанной на эффективном использовании знаний. В этом контексте надо отметить разрабатываемые ныне планы запуска совместных проектов по разведке и освоению нефтегазовых месторождений на арктическом шельфе России, взаимное приобретение долей в капитале нефтегазовых компаний, проработку проекта газопровода Иран – Пакистан – Индия, а также проекта международного транспортного коридора «Север - Юг», призванного соединить

побережье Балтийского моря с Индией (через Иран)¹. Характеризуя отношения Индии и России как стран, совместно формирующих новую геоэкономическую модель мира, надо особо отметить их общие усилия по расширению расчётов в национальных валютах и, соответственно, по уменьшению зависимости национальных экономик от доллара и других факторов внешнего давления. В этой связи надо особо отметить отказ Индии поддержать западную политику санкций в отношении России, хотя это существенно осложнило положение индийских банков в их взаимоотношениях с американскими и находящимися под сильным влиянием США международными финансовыми институтами.

Начавшийся на рубеже XX и XXI столетий новый этап сближения России и Индии нашел своё отражение и в оживлении культурных связей, а также академических контактов. Создана российско-индийская сеть университетов, координаторами которой являются Томский университет и Индийский технологический институт в Бомбее (Мумбаи). В сентябре 2018 г. после 30-летнего перерыва в Кремлёвском дворце съездов был торжественно открыт фестиваль Индии в России, а одновременно с этим в Индии проводились Дни российской культуры. Показательно, что для удовлетворения зрительского спроса на продукцию индийских кинематографистов и более глубокое знакомство с индийской культурой на российском телевидении имеются целых три специализированных телеканала — больше, чем для популяризации любого другого зарубежного кинематографа.

Тем не менее в сфере гуманитарных отношений между Россией и Индией использованы далеко не все возможности, из-за чего плотность контактов между российским и индийским социумами всё ещё остаётся недостаточной. Показательна асимметричность туристических потоков: численность россиян, посещающих Индию с ознакомительными целями и для отдыха, более чем в 3 раза превышает количество таких же поездок из Индии в Россию. По этому показателю Индия существенно уступает целому ряду других стран Европы и Азии (например, туристическому потоку из Китая в Россию) примерно в 20 раз². Недостаточно высокая интенсивность человеческих контактов, по-видимому, является одной из причин того, что, несмотря на успешное развитие межгосударственного сотрудничества, уровень симпатий к Индии в российском обществе практически не возрастает по крайней мере с середины 1990-х гг. Правда, надо отметить и другое: если в середине 1990-х этот уровень был на 10–20 процентных пунктов ниже, чем у США и ведущих стран Западной

¹ Посольство Российской Федерации в Республике Индии. URL: https://india.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/ (Дата посещения: 18.05.2020).

² Федеральное агентство по туризму РФ. Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с Официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок. URL: <a href="https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/ (Дата посещения: 18.05.2020).

BECTHINK Communication No. 2, Tom 11, 2020

Европы, то в последнее время за счёт падения привлекательности Запада для россиян Индия по данному показателю сравнялась или даже оказалась впереди большинства из них [Двадцать лет реформ... 2011: 204–205]. В 2011 г. симпатии к Индии выражали 59% опрошенных россиян, антипатии — примерно 10%. Индийцы же относятся к россиянам чуть прохладнее: среди них позитивные ассоциации с Россией проявляются у 43%, а отрицательные у 9% опрошенных [Pew Research Centre 2017]. Практически такие же значения индикаторов симпатии и антипатии отмечены у индийских респондентов и по отношению к США. Таким образом, индийское общество в настоящее время является столько же «пророссийским», сколько и «проамериканским».

Рассмотренный нами пример стратегического партнёрства показывает, что данный тип отношений опирается на серьёзные материальные интересы. Но при этом мера заинтересованности определяется не абстрактно, а конкретно, преимущественно в контексте обмена имеющими приоритетное значение незаменимыми ресурсами. Иначе говоря, речь идёт не просто о «цифрах как таковых», но и о качественном наполнении соответствующих показателей. Обе страны не являются друг для друга самыми крупными экономическими партнёрами. Но Россия готова предоставлять другой стороне некоторые виды высокотехнологичной продукции и технологии, от которых критическим образом зависит её безопасность и жизнеобеспечение (военная техника, атомная энергетика, космос и др.). Индия же может рассчитывать на получение в данном партнёрстве необходимых инвестиций, которые можно применять для развития экономики страны. В то же время стратегическое партнёрство обязательно включает в себя не только материальное, но и духовное измерение. Стратегическое партнёрство с одной страной не исключает партнёрских отношений с другими, причём отношения партнёров между собой могут быть отнюдь не дружественными (что отличает партнёрство от многосторонних политических союзов). Стратегические партнёры могут принадлежать к типологически разным цивилизациям; но при этом необходим двусторонний диалог в духовной сфере, в понимании смыслов и ценностей, который сам по себе становится частью их собственной идентичности. Необходимым условием отношений стратегического партнёрства является сопряжение социально-исторических целей сторон, сходное понимание того, в каком направлении должно идти мировое развитие, как в идеале должен выглядеть мир будущего. Важны также долговременность, надёжность, значительная степень доверительности. Каждый из партнёров должен быть уверен в устойчивой лояльности другой стороны, исключающей какие-либо резкие «зигзаги» политического курса. Исходя из этого и опираясь на проведённое нами саѕе study, можно утверждать, что стратегические партнёрства не возникают с нуля, а опираются на длительные традиции позитивного взаимодействия (в нашем случае уходящие вглубь веков). Стратегическое партнёрство предполагает также и то, что партнёры склонны оказывать взаимную поддержку в сложных и неоднозначных ситуациях; в том числе

BECTHUR Commingen No 2, Tom 11, 2020 они «прикрывают» друг друга от нападок со стороны других участников международных отношений, хотя делают это не безоговорочно и в определённых пределах.

Развитие российско-индийского стратегического партнёрства в XXI в. надо рассматривать не само по себе, а в контексте мировой динамики, обусловленной смещением эпицентра мирового развития с Запада на Восток. Этот не быстрый, но уже отчётливо обозначившийся процесс проявляется в возникновении соответствующих его внутренней логике экономических связей, транснациональных производственных цепочек и коллабораций, на основе которых возникают новые запросы, интересы, а вслед за ними и новые внешнеполитические стратегии. На наших глазах происходит стремительный подъём новых центров силы и влияния, что позволяет с достаточной уверенностью говорить о формировании многополярной модели глобального мира. Как в итоге выстроится геометрия конституирующих его связей и взаимодействий, сегодня в точности не ответит никто. Однако понятно, что и Россия, и Индия являются не только важными элементами этого мира, но и его архитекторами и строителями. Ещё в 1998 г. Е. М. Примаков выдвинул идею стратегического треугольника Москва - Дели - Пекин, в котором он видел опорную конструкцию будущей плюралистической мирсистемы. Надо сказать, что эта идея в то время была встречена прохладно и даже настороженно - как по причине тогдашнего весьма неопределённого геополитического и геоэкономического статуса самой России, так и в силу наличия серьёзных противоречий между Индией и Китаем. Стороны по понятным причинам избегали принятия обязывающих решений, сохраняя свободу рук для реализации альтернативных внешнеполитических комбинаций. И тем не менее объективный ход событий на международной арене, общая приверженность принципам национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств, неприятие попыток использовать политтехнологии внешнего манипулирования (в том числе посредством таких инструментов, как «цветные революции», поддержка сепаратистских движений и т. п.) волей-неволей подталкивали ко всё более обстоятельному обсуждению очень широкого спектра направлений сотрудничества трёх ведущих государств Евразии. Вначале оно ограничивалось рамками экспертного сообщества, но впоследствии вышло и на уровень трёхсторонних переговоров руководителей внешнеполитических ведомств, а затем и глав государств.

Отношения России, Индии и Китая как стратегических партнёров не получили какого-то особого институционального оформления, дающего статус международно-правовой субъектности, какой обладают, к примеру, ЕС, СНГ или, допустим, АСЕАН. Однако все три страны имеют возможность ситуативно использовать и реально используют для взаимодействия институциональные каналы некоторых более широких международных организаций, в особенности ШОС, в работу которой, наряду с Россией и КНР, вовлечены почти все основные страны, образующие геополитическое и геоэкономическое окружение Индии. В перспективе

же стратегическое российско-индийское сотрудничество может превратить Евразию в интегрированную инфраструктурными и природоохранными мегапроектами пространственную целостность, где ведут диалог христианская, исламская, буддийская, конфуцианская и индийская культурные традиции, открытые для всего остального мира [Моханти, Иванов 2015].

Библиографический список

Галищева Н. В. 2019. Взаимная торговля России и Индии: основные тенденции и проблемы // Российский внешнеэкономический вестник. N 3. С. 60–73.

Двадцать лет реформ глазами россиян. М.: Весь мир, 2011. 326 с. Добролюбов Н. А. 1963. Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.

Жеглова Ю. Г. 2014. Стратегическое партнерство как формат меж-государственных отношений // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 3. С. 115-122.

Кино Индии: [Очерки] / Будяк Л. М. и др. М.: Искусство, 1988. 288 с.

Моханти А., Иванов А. В.2015. Союз Индии, России и Китая: от деклараций к реальным проектам // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. № 2. С. 49-59.

Ренар Т. 2011. Внешняя политика EC: от диалога о стратегическом партнерстве к реальному стратегическому партнерству // Вестник международных организаций. № 4 (35). С. 92–117.

Россия на рубеже веков / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 2000. 446 с.

Стрижак Ю. Н., Колесников А. С. 2014. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э. Э. Ухтомского // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб.: Институт восточных рукописей РАН. С. 377–394.

Ханна П. 2019. Коннектография. М.: Манн, Иванов и Фербер. 432 с.

Черешнева Л. А. 2016. У истоков индо-советского сближения: документы трех московских встреч 1950 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 21. Вып. 1 (153). С. 89–95.

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. 2010. История Индии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН. 920 с.

Pew Research Centre. Global Attitudes and Trends. URL: https://www.pewresearch.org/global/2017/11/15/india-and-the-world/ (Дата посещения: 28.11.2019).

Rajagopalan S. 2008. Indian Films in Soviet Cinemas: The Culture of Movie-Going after Stalin. Bloomington: Indiana University Press. 242 p.

BECTHINK Councilling No. 2, Tom 11, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреев Андрей Леонидович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского ядерного университета «МЭИ» и Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Strategic Partnership: Characterizing an Important Political Phenomenon

Andrey L. Andreev

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", National Research Nuclear University MEPhI, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia

E-mail: sympathy_06@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-1692-573X

For citation: Andreev A. L. Strategic partnership: characterizing an important political phenomenon. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 194–210. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Abstract. This is an article on the phenomenon of strategic partnership, which is understood to be a special type of geopolitical and geo-economic cooperation, which, in the author's opinion, might become a fundamental element of the current globalized world's composition in the very near future. A general characteristic is given to the theoretical underpinnings of the issue, which brings us to the fact that there are no concrete definitions for the term "strategic partnership", as well as no criteria that would allow for separating the scientific perception of the term from its purely decorative application in political discourse. The author insists that each and every specific strategic partnership is developed and sustained based on a unique combination of supporting factors, and as a result the study of such processes requires using the appropriate individualized (ideographical) methods. The article offers an example in the form of analyzing one of the most telling cases of this sort – the genesis and development of strategic partnership relations between Russia and India. This study examines the emergence of "special relations" between the two nations, which have deep historical roots, while analyzing the specific profile of this relationship during the time of British dominion, and looking into the process of establishing contacts between intellectual circles. Considerable focus is dedicated to these relations turning into bilateral political cooperation after India declaring its independence, and to the dynamic of said cooperation. Based on the experience of Russia and India, certain general conditions for building strategic partnerships are formulated. While analyzing the future prospects of the strategic partnership between the Russian Federation and India, the author considers the geopolitical significance of the "Moscow-Deli-Peking" triangle, as well as the potential it bears in terms of transforming Eurasia into a territorial entity tied together by large-scale infrastructural and environmental protection projects.

Keywords: geopolitics, political space, international cooperation, strategic partnership, Russian-Indian relations, Eurasia

References

Chereshneva L.A. At the origins of the Indo-Soviet rapprochement: documents of three Moscow meetings in 1950. Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki = Tambov University Bulletin. Humanities, 2016; vol. 21, 1 (153): 89–95 (In Russ.).

Dobroliubov N.A. A look at the history and current state of the East Indies. Poln. Sobr. Soch. = Works in six volumes. Vol. 3. Moscow, 1963 (In Russ.).

Galischeva N.V. Mutual trade between Russia and India: main trends and problems. Rossiysky vneshneeconomicheskiy vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin, 2019; 3: 60–73 (In Russ.)

Hanna P. Connectography. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2019: 432 (In Russ.).

Kino Indii = Cinema of India. Moscow, Iskusstvo, 1988: 288 (In Russ.).

Mokhanti A., Ivanov A.V. Union of India, Russia and China: from declarations to real projects. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki = Moscow University Bulletin. Ser. 12. Political Science, 2015: 2: 49-9 (In Russ.).

Rajagopalan S. Indian Films in Soviet Cinemas: The Culture of Movie-Going after Stalin. Bloomington, Indiana University Press, 2008: 242.

Renar T. EU foreign policy: from dialogue on strategic partnership to real strategic partnership. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy = International Institutions Bulletin, 2011: 4 (35): 92-117 (In Russ.).

Russia at the Turn of the Century, Moscow, ROSSPEN, 2000: 448 (In Russ.).

Pew Research Centre. Global Attitudes and Trends, 2017; nov. 15. Available at: https://www.pewresearch.org/global/2017/11/15/india-and-the-world/ [accessed 13.05.2020].

Strizhak Y.N., Kolesnikov A.S. Problems of power and politics in the views of Prince E.E. Ukhtomsky. Rozenbergovskiy sbornik: vostokovednye issledovaniya i materialy = Rozenberg's Collection: Oriental Studies and Materials. Saint-Petersburg, IOM RAS, 2014: 377-394 (In Russ.).

Twenty years of reform through the eyes of Russians. Moscow, Ves` mir, 2011: 326 (In Russ.)

Yurlov F.N., Yurlova E.S. The History of India. XX century. Moscow, IO RAS, 2010: 920 (In Russ.).

Zheglova Y.G. Strategic partnership as a format of interstate relations. Problemny analiz I gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie = Problem Analysis and Public Administration Projection, 2014: 3: 115–122 (In Russ.).

The article was submitted on: April 21. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andreev Andrey Leonidovich, Doctor of Philosophical Science, Professor, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", National Research Nuclear University MEPhI, Main researcher Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia

BECTHUR Counding No 2, Tom 11, 2020